

© 2009 г. Л.Л. КАСАТКИН

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ, ВЫСТУПАЮЩИХ В РАЗНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ*

Одни и те же звуки речи могут восприниматься в разных фонетических позициях как разные звуки говорящими на одном и том же языке (диалекте), одни и те же звуки речи могут восприниматься в одних и тех же фонетических позициях как разные звуки говорящими на разных языках (диалектах).

1. Для идентификации произнесенных звуков фонетисты широко используют специальные компьютерные программы Praat, Speech Analyzer и др., позволяющие прослушивать и анализировать сегменты звучащего текста разной длительности, в том числе отдельное слово либо его часть, состоящую из нескольких звуков, или отдельного звука, или его части. Прослушивая таким образом примеры диалектных текстов и литературного языка, я обнаружил следующую особенность восприятия звуков речи.

В говорах Ялмоти (группы деревень вокруг административного центра с. Пышлицы Шатурского района Московской области) предударный вокализм после мягких согласных – сильное еканье: гласные фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми и мягкими согласными реализуются в звуке [e]. Эта особенность говоров Ялмоти впервые была обнаружена Н.Н. Дурново, а затем описана А.А. Шахматовым и С.С. Высотским [Дурново 1914: 170; Шахматов 1913: 198–199; Высотский 1949: 34], ее наблюдали и члены экспедиций в деревне Ялмоти в 1994 г. (Р.Ф. Касаткина, К. Запкок, С. Оде, Л.Л. Касаткин) и в 2007 и 2008 гг. (Р.Ф. Касаткина, К. Запкок, Л.Л. Касаткин).

Однако и побывавший в Ялмоти в 1910 г. Н.Н. Дурново, и бывший здесь в 1945 г. С.С. Высотский, и члены наших экспедиций отмечали, как писал С.С. Высотский, «спорадическое употребление здесь форм сильного яканья в смешении с еканьем при характерном колебании качеств предударного звука. Часто он представлен в виде гласного, лишь слегка пониженного по сравнению с *e*, но уже, безусловно, принадлежащего категории переднего *a*. Менее часто слышится совсем явно выраженное образование *a*, возможное при яканье, например, во многих говорах Рязанской, Московской, Смоленской и других областей: *в'äсна́*, реже *в'асна́*; *пр'äмо́й*, *пър'äд'ис'*, *ул'äт'êл*, *р'äбы́х*, *с'äды́х*, *фн'äр'от* и т.п.» [Высотский 1949: 35]. Еще реже, чем примеры с предударным [a] после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема, встречается в этой позиции произношение [и].

Прослушивая при помощи компьютерной программы Praat наши магнитофонные записи речи местных жителей, я обратил внимание на следующую особенность. В некоторых случаях на слух определялся при многократных повторях предударный звук [a] после мягкого и твердого согласного, например [н'ич'аву́о], [лэшад'ей]. Этот же звук я отмечал при прослушивании части слова с предударным и ударным гласными: [ч'аву́о], [шад'ей]. Но при прослушивании начальной части этого же слова со вторым

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Активные процессы в современной русской фонетике: система и подсистемы» (07-04-00243а).

и первым предударными гласными отчетливо был слышен на месте исходного гласного первого предударного слога звук [е] после мягких согласных и [э] после твердых: [н'ич'е], [лэшэ]. И точно так же: [ар'астуит], [р'асту], но [ар'ес]; [афч'арá], [фч'арá], но [афч'е]; [нэ-с'аб'и́е], [с'аб'и́е], но [нэс'е]; [пэв'аз'л'и́], [в'аз'л'и́], но [пэв'е]; [пэгл'ад'элэ], [гл'ад'элэ], но [пэгл'ед']; [пэгл'ад'и́ш], [гл'ад'и́], но [пэгл'е]; [пэжав'илс'и], [жав'ил], но [пэје]; [пр'ив'ал'и́], [в'ал'и́], но [пр'ив'е]; [прин'ас'л'и́], [н'ас'л'и́], но [прин'е]; [прэл'ат'э́ла], [л'ат'э́ла], но [прэл'е]; [ул'ат'и́ела], [л'ат'и́ел], но [ул'е]; [прэт'ану́л], [т'ану́л], но [прэт'е]; [пыс'ал'ил'ис'], [с'ал'и́], но [пыс'е]; [рэз'д'ал'ил'ис'а], [д'ал'и́], но [рэз'д'е]; [с'им'анá], [м'анá], но [с'им'е]; [н'и-жан'илс'и], [жан'ил], но [н'ижэ]; [пэжал'и́езу], [жал'и́е], но [пэжэ]; [пэжал'э́т'], [жал'э́], но [пэжэ]; [пэшан'и́цу], [шан'и́], но [пэшэ] и т.п.

В некоторых случаях при прослушивании всего слова или его части, включающей первый предударный и ударный слоги, в первом предударном слоге слышится [и], а при прослушивании части этого же слова, включающей второй и первый предударные гласные, на месте того же гласного ясно слышится [е], например: [атм'ич'áл'и], [м'ич'á], но [атм'е]; [с'им'ина́м'и], [м'ина́], но [с'им'е].

Такая же разница была при прослушивании некоторых слов с одним предударным слогом: во всем слове слышался предударный гласный [а] или [и], в части этого слова, содержащей только предударный слог, – [е] или [э]: [гл'ад'элэ], но [гл'е]; [гл'ад'и́ш], но [гл'е]; [жав'илс'и], но [је]; [јаф'и́м], но [је]; [л'ат'эл'и], но [л'е]; [п'акл'и́], но [п'е]; [с'ар'г'е́и], но [с'е]; [т'ич'о́т], но [т'е]; [тр'ипáл'и], но [тр'е]; [жал'э́зныйа], но [жэ]; [жал'и́ел], но [жэ]; [жан'и́х], но [жэ] и т.п.

Эту особенность я решил проверить на записях литературной речи. В фонотеке отдела фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН была взята полчасовая запись рассказа Р.Ф. Касаткиной об орфоэпии, сделанная на радио в январе 2008 г. При прослушивании этой записи обнаружилась та же особенность, что и в диалектной речи: в некоторых примерах с предударным гласным [а] после твердых согласных при удалении части слова, включающей ударный слог, в оставшейся части на месте этого [а] слышится [э]: *языковеды* – [кав'ед], но [зыкэ]; *произносительные* – [нас'ит'], но [изнэс']; *Москворечья* – [вар'сч'], но [сквэр']; *городских* – [рацк'их], но [гэрэ]; *человек* – [лав'е], но [ч'илэ]; *колорит* – [лар'и], но [кэлэ]; *факультативы* – [тат'и], но [кул'тэ]; *для России* – [рас'и], но [дл'арэс']; *счастье, расчёт* – [раш'ш'от], но [т'ирэ] и т.п.

Для подтверждения моего восприятия был проведен следующий эксперимент. Пятнадцати аудиторам – сотрудникам Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, в том числе пяти сотрудникам отдела фонетики, – были представлены для прослушивания некоторые из вышеуказанных примеров частей слов, записанных в Ялмоти и в записи рассказа Р.Ф. Касаткиной. Аудиторы должны были определить гласный звук и записать соответствующую букву в анкету, где уже были записаны примеры: *кыл[]* и *л[]ри* – части произнесенного слова *колорит*, *дляр[]сь* и *р[]си* – части фонетического слова *для России*, *прал[']* и *л[']тел* – части слова *пролетела*, *пый[]* и *й[]дим* – части слова *поедим*, части тех слов, в которых я слышал предударный [а], и т.п. В качестве контрольных слов были также предъявлены примеры, в которых в первом предударном или ударном слоге произносились [а], [е], [и], воспринимаемые мною одинаково в целом слове и его частях. Всего было предъявлено 32 примера, каждый из которых повторялся многократно, до тех пор, пока аудиторы не останавливали повтор. Примеры следовали в анкете так, чтобы аудиторы не могли связать их по содержанию друг с другом.

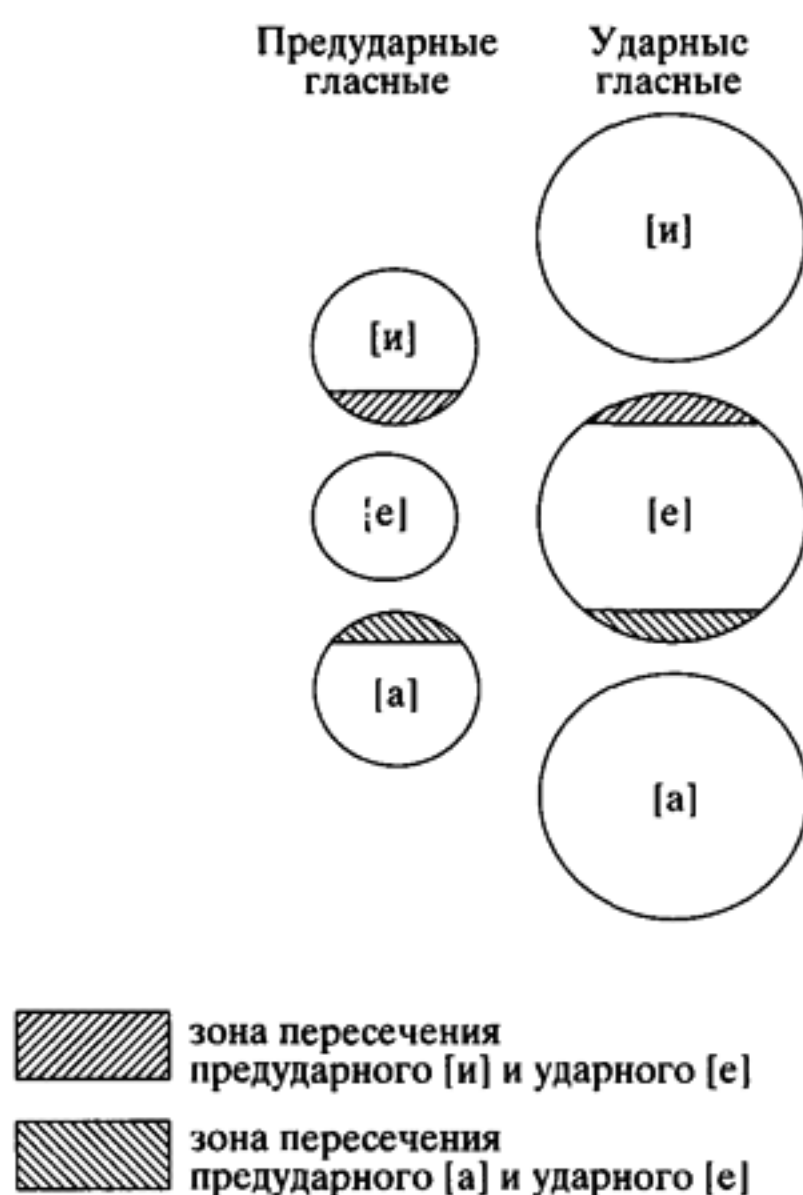
Эксперимент подтвердил мои наблюдения. Аудиторы не всегда одинаково определяли гласный звук в одном и том же звуковом сегменте, но в подавляющем большинстве случаев писали разные гласные буквы в выделенных из одной и той же фонетической последовательности (обычно фонетического слова) сегментах, включающих

исходные гласные второго и первого предударного слогов и первого предударного и ударного слогов.

Этот же эксперимент, но в сокращенном виде, включавший 10 звуковых сегментов (из числа тех же 32 примеров), выделенных из пяти записанных на магнитофон слов, был проведен с восемью известными фонетистами, членами фонетической комиссии при Отделении исторических и филологических наук РАН, двумя сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и двумя студентами филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. И эти аудиторы полностью подтвердили мое наблюдение.

Чем же объясняется, что один и тот же звук может восприниматься по-разному при прослушивании всего слова и его частей? Связано это с разной позицией этого звука в звуковом сегменте. В одних случаях, при наличии ударного слога, гласный звук находится в первом предударном слоге. В других случаях, когда он находится на втором месте двусложного звукового сегмента, включающего исходный второй и первый предударные слоги, он воспринимается как ударный: соотношение по силе и длительности второго и первого предударных слогов в говорах Ялмоти сходно с соотношением первого предударного и ударного слогов литературного языка. Исходный гласный первого предударного слога обычно воспринимается как ударный и в звуковых сегментах, включающих только один этот гласный звук.

В русском литературном языке артикуляционное и акустическое пространство ударных гласных больше пространства безударных гласных: при произнесении безударных гласных верхнего и нижнего подъемов язык не доходит до крайнего верхнего и крайнего нижнего положения, в котором он находится при произнесении ударных гласных. В связи с этим области рассеивания звукотипов ударных и безударных гласных не совпадают. Область рассеивания безударного [и] пересекается с областью рассеивания ударного [и] и частично с областью рассеивания ударного [е], а область рассеивания безударного [а] пересекается с областью рассеивания ударного [а] и частично с областью рассеивания ударного [е]. Схематично это может быть представлено следующим образом.

Таким образом, один и тот же звук речи, образованный в такой зоне, выступая в разных фонетических позициях, воспринимается как разные звуки.

2. Н.Н. Дурново считал, что примеры с яканьем при обычном еканье в говорах Ялмоти могут объясняться влиянием южнорусского наречия [Дурново 1914: 171]. С.С. Высотский выразил сомнение по этому поводу: «Причины присутствия в Ялмоти элементов яканья остаются неясными. Какого-либо нового за последние 30–40 лет влияния южнорусского наречия со стороны некоторых говоров Рязанской или Московской областей предполагать нельзя, так как для этого не возникало никаких исторических предпосылок. Ялмоть в экономическом и бытовом отношении издавна тяготела к Москве, а не к Рязанской области и юго-восточной части Московской области, где существует сильное яканье» [Высотский 1949: 37]. Об отсутствии связей говоров Ялмоти с северными, восточными и южными говорами писал и А.А. Шахматов: «Ялматчане резко отличают себя от жителей соседних волостей, расположенных к востоку и югу <...>. Совершенно ясно, что издревле Ялмат определялся с трех сторон северной, восточной и южной этнографическими границами, между тем как с запада население Ялмата сливалось с однородным населением других частей Егорьевского уезда. Теперь эта граница резко определяется звуковыми особенностями живой речи» [Шахматов 1913: 174].

Однако С.С. Высотский, вопреки сказанному им выше, склонялся к предположению о том, что «вероятно, перед нами все же давний по употреблению в местном говоре признак смешения двух систем вокализма (примеры с яканьем записаны от местных уроженок – женщин из отсталых в культурном отношении семей, преимущественно неграмотных старух, не выезжавших ни разу в своей жизни за пределы ближайшей округи)» [Высотский 1949: 37]. Такими же были и наши информанты.

Думаю, что можно по-иному объяснить примеры с произношением предударного [а] в говорах Ялмоти. Здесь иная, чем в литературном языке, ритмика слова с незначительной разницей или ее отсутствием в силе и длительности первого предударного и ударного слога и резким отличием от них других безударных слогов (кроме конечно-го), где гласные предельно коротки и могут вовсе не произноситься. Эту особенность говоров Ялмоти отметил и С.С. Высотский [Высотский 1949: 32–33], который подобный тип ритмической структуры фонетического слова определил следующим образом: «IV – двухступенчатость выражена с предельной силой, гласные значительно длиннее согласных своего слога, предударный гласный нередко равен, а часто и длиннее ударенного <...>, встречается в ю.-р. и ср.-р. говорах, на территориях к югу от местоположения с.-р. говоров Владимиро-Поволжской группы» [Высотский 1973: 35], то есть там, где расположены и говоры Ялмоти.

По-видимому, жители Ялмоти иначе воспринимают предударный звук, который я оценивал как [а] в первом предударном слоге и как [е], [э] в позиции ударного слога: возможно, что для них и в той, и в другой позиции это [е] или [э]. Таким образом, примеры с «яканьем» в говорах Ялмоти – это результат восприятия диалектной речи носителями литературного языка. С точки зрения диалектной системы эти примеры – отражение еканья.

В двух примерах, записанных в Ялмоти, была иная картина по сравнению с описанной выше: в сегментах, вырезанных из слов *семенами* ([с'им'а] и [м'ена]) и *запевали* ([зэп'ав] и [п'ева]) соотношение услышанных мною звуков [а] и [е] на месте исходного гласного первого предударного слога было прямо противоположным: [а] во втором слоге двусложного звукового сегмента, [е] – в первом слоге. Оба эти сегмента из слова *запевали* я включил в первый эксперимент, и 11 аудиторов подтвердили мое восприятие. Таким образом, и здесь выступает позиционная зависимость при восприятии одного и того же звука, но зависимость иного рода. Думаю, что на восприятие этого звука как [е] или [а] влияют гласные соседних слогов: имеющееся различие между гласными первого и второго слогов выделенных сегментов усиливается в сознании

слушающего: после [и]-образного звука подъем следующего гласного как бы понижается, перед [а] – как бы повышается.

Таким образом, одни и те же звуки речи могут восприниматься в разных фонетических позициях как разные звуки говорящими на одном и том же языке (диалекте), одни и те же звуки речи могут восприниматься в одних и тех же фонетических позициях как разные звуки говорящими на разных языках (диалектах)¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Высотский 1949 – С.С. *Высотский*. О говоре д. Лека (По материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II / Отв. ред. С.П. Обнорский, Р.И. Аванесов, Ф.П. Филин. М.; Л., 1949.
- Высотский 1973 – С.С. *Высотский*. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С.В. Бромлей. М., 1973.
- Дурново 1914 – Н.Н. *Дурново*. Краткий отчет Н.Н. Дурново о диалектологических поездках в Рязанскую, Владимирскую, Нижегородскую и Симбирскую губ. Летом 1910 и 1913 г. // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 3. Варшава, 1914.
- Шахматов 1913 – А.А. *Шахматов*. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. Т. XVIII. Кн. 4. 1913.

¹ Второе из этих положений хорошо известно преподавателям русского языка иностранцам.